

Примечания

¹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

² Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2018.

³ Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. А.И. Клюева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018. С. 39—40.

⁴ О феномене патронажа, его роли и механизмах функционирования в среде историков первой четверти XX в., и особенно роли Шереметьева, см.: Kaplan V. *Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia*. Bloomington (Ind.), 2017.

⁵ Подробнее см.: Горская Н.А. Указ. соч. С. 34—39.

⁶ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 131—132.

⁷ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 152.

⁸ См.: Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва—Петербург» (конец XIX — начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344—378.

⁹ Подробнее об этом см.: Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917—1921): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006. С. 140—171; Кривошеев Ю.В. Крым в жизни и творчестве академика Б.Д. Грекова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 361—376.

Владимир Глазьев

Рец. на: А.П. Синелобов. Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского государства XVI—XVII вв. М.: ИНФРА-М, 2018. 174 с.

Vladimir Glaziev

(Voronezh State University, Russia)

Rec. ad op.: A.P. Sinelobov. Personalniy sostav gorodovykh prikazchikov i gubnykh starost Moskovskogo gosudarstva XVI—XVII vv. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010790-0

С 1990-х гг. в российской исторической науке усилился интерес исследователей к истории провинциальных дворян и детей боярских XVI—XVII вв., объединённых в «служилые города». История «служилого города» продолжает изучаться с учётом региональных особенностей. В этом контексте вполне ожидаемо появление трудов об участии городских дворян и детей боярских в местном управлении. В монографии А.П. Синелобова исследуется персональный состав городских приказчиков и губных старост XVI—XVII вв. Автор обоснованно относит их к элементам сословного представительства и управления

выборных институтов на местах (с. 3). Представляется оправданным учёт региональных особенностей состава городских приказчиков и губных старост, их личностных характеристик, судеб, родственных связей, имущественного положения. Исследование дополнено списком губных старост и городских приказчиков примерно 80 уездов.

Исторические источники для написания работы автор условно разделил на две группы. К первой группе он отнёс перечни лиц, служивших городскими приказчиками и губными старостами, в том числе созданный на основе этих перечней «Местни-

ческий справочник». Сведения о городских приказчиках и губных старостах содержатся в Тысячной книге 1550-х гг., «верстальной десятне новиков» 1596 г., росписи русского войска 1604 г., «Росписи воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты» 1627—1628 гг., «Делах об определении губных старост и воевод по городам». Целесообразным представляется использование автором десятен, содержащих сведения о городских приказчиках и губных старостах. В боярских книгах и списках известий о самих городских приказчиках и губных старостах нет, но эта разновидность документов позволяет проследить судьбы их сыновей и внуков. Ко второй группе источников Синелобов относит материалы, связанные с управленческой деятельностью городских приказчиков и губных старост. Документация этих должностных лиц отложилась в фондах разных приказов, в первую очередь Разрядного и Поместного. Автор отмечает составление городскими приказчиками и губными старостами различных книг — кабальных, полоняничных, ввозных поместных и вотчинных, разъезжих, писцовых, переписных и дозорных.

Следует заметить, что исследователи и ранее обращались к приказной документации для составления списков губных старост. В частности, В.Н. Козляков при перечислении ярославских губных старост конца XVI — первой половины XVII в. опирался на акты, отказные, писцовые и переписные книги. Как отмечал исследователь, «особенно подробный материал дают отказные книги, в которых записаны имена проводивших “отказ” губных старост и городских приказчиков»¹. Полагаю, что к числу источников для перечней губных старост следует причислить материалы делопроизводства не только сто-

личных приказов, но и местных учреждений, в частности губных изб, отложившиеся в фондах центральных и местных архивов, таких как Белозерская и Воронежская губные избы. При составлении перечня городских приказчиков и губных старост автор в некоторых случаях обращался к архивным описям, но следует отметить и необходимость обращения к документам, где можно почерпнуть данные о местных управлениях, отсутствующие в описях.

Синелобов аргументированно обосновывает совместное рассмотрение в одной работе персонального состава городских приказчиков и губных старост. Круг потенциальных кадров этих служб был однотипен и чаще всего представлен городскими детьми боярскими, принцип их комплектования заключался в сочетании выборов и назначений, существовали общие критерии для выполнения этих служб и общие принципы содержания институтов. Следует согласиться с Синелобовым в определении различий функций городских приказчиков и губных старост. У городских приказчиков, как отметил автор, более выражены военные, административно-финансовые и хозяйственные функции. У губных старост главной специализацией являлось расследование и пресечение случаев татьбы, разбоя и убийств. В то же время функции городских приказчиков и губных старост частично пересекались, например, в сфере решения земельных вопросов (с. 9).

Автор рассматривает появление институтов местного управления не как некую альтернативу власти наместников и кормленщиков, а как видоизменение и дополнение существующих структур, как сосуществование и наращивание дополнительных служб. По мнению автора, новые институты возникали на иной социальной

базе и по иным принципам. К делам управления «служилым городом» были допущены его представители. Исследователь резонно заметил, что только местные дети боярские, «находящиеся в гуще событий и знавшие местную специфику, могли наиболее оперативно выполнять поручения центральной власти» (с. 11).

Синелобов прослеживает преемственность новых институтов и выполнение земских служб в более раннее время. Одна из них — присутствие «добрых мужей» на земельных разъездах и межевании. Используя данные генеалогии, автор приводит конкретные примеры связи ранних поколений фамилий «добрых людей» и их потомков, служивших городовыми приказчиками и губными старостами. Исследователь считает, что к 1510—1530-м гг. на уровне уезда сложился круг фамилий, специализирующихся на управленческих службах: «Во второй половине XVI — XVII в., несмотря на все перипетии и изменения в составе уездных дворянских корпораций, сложившаяся традиция преемственности сохранялась» (с. 14). Автор показал, что в уездах, где отсутствовало дворянское поместное землевладение, к местному управлению привлекались люди из богатых и влиятельных, но неслужилых родов (например, солепромышленники Мичурины в Соли Галицкой). Автор указывает и на случаи участия в местном управлении представителей семей, недавно переместившихся в данный уезд, лиц сравнительно молодого возраста, увечных, неграмотных. Подобное хотя и редко, но случалось, и это расширяет традиционные представления о составе городских приказчиков и губных старост.

Синелобов отметил появление в пригородах во второй половине XVI в. собственных органов местного управления, отвечавшее интере-

сам дворян и детей боярских, помещённых в пригородах. Обратный процесс концентрации в уездном городе властных функций автор отнёс к последней четверти XVII в. (с. 19). Думается, подобная тенденция обозначилась значительно раньше. Объединение нескольких городов и уездов в разряды — крупные военно-административные округа — прослеживается в Сибири уже в конце XVI в., а в европейской части России в середине столетия. С другой стороны, Разбойный приказ стремился соединить несколько уездов в одну губу, поскольку для разбойников границы уездов не существовали.

Синелобов подтвердил высказанное другими исследователями мнение о том, что служба в губных старостах привлекала дворян возможностью избежать дальней и опасной службы в полках; привёл колоритные примеры кормления городских приказчиков и губных старост. О фактах злоупотреблений должностных лиц становилось известно из коллективных челобитных. По мнению автора, «цель челобитчиков — сообщить центральным властям о превышении квоты злоупотреблений, когда аппетиты превосходили установившиеся традицией размеры кормов и подношений» (с. 29). Исследователь обратил внимание на конкуренцию за получение служб в органах местного управления. Это явление, несомненно, имело место, однако относить обострение соперничества к середине 1650-х гг. (с. 31) вряд ли обосновано: конкуренция дворян в этой сфере прослеживается и в более ранний период.

Автор аргументированно отметил, что служба дворян местными управленцами не мешала карьерному продвижению их сыновей и внуков. Более того, выполнение управленческих служб на местах часто становилось трамплином для получения разно-

образных должностей на столичном уровне. Используя данные генеалогии городского дворянства, Синелобов показал, что во многих дворянских родах сформировалась склонность к несению управленческих и дьячих служб. Анализ персонального состава губных старост показывает и обратный процесс, когда приказные дьяки и подьячие отправлялись губными старостами в уезды (с. 33—36).

Автор пришёл к выводу о том, что городские приказчики и губные старосты во взаимодействии с воеводской и земской властями поддерживали политико-территориальное единство страны и способствовали консолидации разных социальных слоёв общества для решения общегосударственных задач. По его мнению, городские приказчики и губные старосты стояли на страже местных традиций, создавая серьёзную помеху на пути бюрократизации местного управления. Ослабление дворянских уездных учреждений он связывает с начавшимися в 1650—1660-х гг. общегосударственными процессами абсолютизации царской власти, расширения приказного делопроизводства, укрепления власти воевод, разрушения системы «служилого города» (с. 38). В новых реалиях, по его мнению, городские приказчики и особенно губные старосты должны были уступить место воеводской власти.

Важная часть книги — список городских приказчиков и губных старост. Списки губных старост по отдельным городам и регионам составлялись и ранее. Однако в представленной автором форме, объединяющей городских приказчиков и губных старост по многочисленным уездам, список не имеет аналога в исторической науке. По данным Синелобова, городские приказчики в некоторых уездах ещё действовали в 1670—1680-х гг. Обращает на себя внимание,

что в большинстве городов городские приказчики служили только в XVI — первой половине XVII в. (Алатырь, Алексин, Арзамас, Балахна, Бежецкий верх, Белая, Белёв, Белоозеро и др.). Между тем губные старосты численно преобладали и находились на своих постах во второй половине XVI в. и на протяжении всего XVII в. Материалы по южным русским городам конца XVI—XVII в. — Курску, Ельцу, Воронежу — показывают, что схожие с городскими приказчиками функции имели осадные головы. В круг их служебных обязанностей входила подготовка города-крепости к возможному нападению неприятеля. Городовой приказчик и осадный голова следили за артиллерией и боеприпасами. В их непосредственном подчинении находились пушкари, затинщики, воротники, казённые кузнецы и плотники.

Дублирование функций осадных голов и городских приказчиков привело к постепенной ликвидации последних в южных городах. Исключение составлял Белгород, где во второй половине XVII в. действовали не встречающиеся в иных местах городничие. Должность осадного головы по рангу была выше поста городского приказчика. Осадный голова в южные города, за редкими исключениями, назначался из Москвы, и постепенная замена выборных городских приказчиков осадными головами означала усиление контроля центра за жизнью окраинного города-крепости. Объём обязанностей осадного головы зависел от местных условий и традиций, а также от полномочий, определённых наказами и грамотами. Иногда осадные головы решали вопросы, не связанные непосредственно с обороной крепости. Они осуществляли размежевание земельных владений, производили суд, взыскивали платежи в пользу потерпевших. Осадные головы назначались в южные города в тече-

ние XVII в., и назначение на должность осадного головы рассматривалось царской властью как пожалование служилого человека. С этой точки зрения правительственный подход к осадным головам, воеводам, стрельчим или казачьим головам, приказным людям в небольших городках одинаков. При назначении осадным головой учитывалось мнение местных сословных групп. Жители Курска и Курского уезда, например, настойчиво добивались назначения на этот пост именно местных дворян и детей боярских, характеризуя в коллективных челобитных достоинства претендентов на должность².

Подводя итог, отмечу, что монография А.П. Синелобова является

новым этапом изучения роли «служилого города» в местном управлении Российского государства, а перечень городских приказчиков и губных старост дополняет круг справочных материалов по составу органов государственного управления XVI—XVII вв.

Примечания

¹ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 139, 199.

² Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 58—59.

Николай Мининков

Рец. на: В.Н. Глазьев. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI — XVII веках. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 270 с.

Nikolay Mininkov

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: V.N. Glaziyev. Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI — XVII vekakh. Voronezh, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010791-1

Новая монография известного исследователя губных учреждений в южных уездах России, социально-экономической и военной истории Воронежа и истории управления города и уезда в XVI—XVII вв. Владимира Николаевича Глазьева, представляющая собой очерки истории Воронежа и Воронежского уезда, появилась не случайно. Это своего рода концентрированный итог исследований по истории Воронежской земли, которые велись местными историками с дореволюционного периода и были продолжены в советское время, когда сложилась школа выдающегося исто-

рика В.П. Загоровского. В.Н. Глазьев, принадлежа к школе Загоровского, развил её традиции и создал собственную научную школу, изучающую вопросы истории Воронежа с его обширным уездом и соседних окраинных южных земель России. Вместе с тем до сих пор в историографии отсутствует написанная на современном уровне общая характеристика событий, явлений и процессов на этой исключительно значимой для России части южной окраины. Поэтому постановку проблемы в новом исследовании Глазьева можно одобрить и признать значимой для углубленного